

на платформе

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ

letmeprint.ru

АЛЕКСАНДРА КОЛЛОНТАЙ

Большая любовь

ПАЛЬМИРА
ТВ ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 82-821
ББК 84(2Рос=Рус)6
К60

Автор вступительной статьи и составитель
А. А. Иконников-Галицкий

Коллонтай А. М.

К60 Большая любовь : [повести, рассказы] / Александра Коллонтай ; [сост., вступ. ст. А. А. Иконникова-Галицкого]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 383 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

Александра Михайловна Коллонтай (1872–1952) — российская революционерка, дипломат, первая в истории женщина-министр, одна из первых женщин-послов в мире. Ее беллетристическое наследие составляют две повести и пять рассказов, все они включены в настоящий сборник. В качестве приложения публикуется «письмо к трудящейся молодежи» — «Дорогу крылатому Эросу!», в котором А. М. Коллонтай рассуждает о том, какое место отводится любви в идеологии рабочего класса.

УДК 82-821
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Иконников-Галицкий А. А., составление,
вступительная статья, 2023

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

ISBN 978-5-517-09629-6

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Самое интересное в этой книге — ее автор. Александра Коллонтай, член ЦК партии большевиков, красный дипломат, проповедница свободной любви, — одна из знаменитейших женщин XX столетия. И одна из самых легендарных. Революционная валькирия, советская королева Марго, марксистская Геката, коммунистическая Мессалина. Женщина-миф. В советской России шептались о ее бесчисленных романах в высших коммунистических сферах и о загубленных ею комиссарских судьбах. О ее революционной беспощадности и непреодолимых женских чарах, о ее сказочном богатстве и столь же сказочном темпераменте. Разносчики слухов в белоэмигрантских кругах захлеб рассказывали о роскошных приемах, якобы устраиваемых ею в советском полпредстве в Норвегии или Швеции, о царицыных драгоценностях, надеваемых ею напоказ всему миру... Самая стойкая из легенд — легенда о стакане воды. Будто бы Коллонтай с революционным пафосом проповедовала, что в коммунистическом обществе совершить половое соитие с кем попало будет так же просто и естественно, как выпить стакан воды.

Все это к реальности не имеет никакого отношения. Не было уймы безумных романов, не было императорских ожерелий. И ни в одной из многочисленных статей или записанных речей Коллонтай нет ни слова про стакан воды в вышеупомянутом смысле. Реальная Коллонтай, впрочем, куда интереснее и противоречивее того мифологизированного образа, который сложился в массовом сознании. Многожды первая. Первая в России женщина-министр; первая в мире женщина-посол. Наверное, первая русская женщина-социолог: ее исследования об охране материнства и детства актуальны до сих пор. Создательница первого в истории руководящего органа коммунистических женщин — женотдела ЦК РКП(б).

Но и это не главное. Главное, пожалуй, то, что Александра Коллонтай всегда во всем шла непредуказанным путем: против воли родителей, наперекор общественному мнению и устоявшимся нормам общественного бытия и морали; вопреки грозным окрикам сильных мира сего; наперерез политическим планам соперников и единомышленников. Как пловец, который пересекает бурную реку поперек течения и оказывается снесен к неведомому берегу. Только такие люди создают будущее. Люди, готовые принять заданные правила игры, определяют стиль настоящего момента, но будущее — в руках людей «поперечных». Разрушительное и созидательное начала соединяются в них так же противоречиво и причудливо, как в поэзии футуристов. Поэтому дело Коллонтай живет и сегодня: современная социально активная, самостоятельная женщина — во многом творение Александры Коллонтай. Поэтому и сама Александра Михайловна — образ, сотканный из противоречий, а жизнь ее — источник легенд.

* * *

Дочь царского генерала в красном стане. Из высшего света — в партию большевиков. Как так получилось?

Вообще-то среди русских революционеров и бунтарей во все времена было много дворян, даже представителей самой родовой аристократии. Дворянство являлось, как это ни парадоксально, самым «бунташным» сословием Российского государства. Дворцовые перевороты осуществлялись под звон дворянских шпаг. Формулы вольнодумства выковывались в кругу Радищева и Новикова, превращались в боевое оружие в руках аристократов-декабристов. Основы теории и практики революционного анархизма и терроризма закладывали столбовые дворяне и дворянки — Михаил Бакунин, Петр Лавров, князь Петр Кропоткин, Софья Перовская, Вера Фигнер.

Но золотой век аристократического бунтарства уже уходил в прошлое, когда 19 марта 1872 года в семье родовитого дворянина и примерного служаки Михаила Домонтовича в Петербурге, в доме № 5 по Средней Подъяческой улице явилась на свет девочка, нареченная Александрой. По-домашнему — Шура, Шурочка. При крещении случилось забавное происшествие. В метрическую книгу ее по ошибке записали мальчиком, Александром. Ошибка вскрылась через 21 год, когда потребовались документы для венчания. Как будто

провидение давало знать: этой девочке предстоит уравнивать в правах мужчин и женщин.

Семья Домонтович принадлежала к высшей имперской знати. И все же это была семья нового типа, как тогда говорили, «передовая». Брак родителей будущей поборницы равноправия основывался на двойном мезальянсе. Отец нашей героини, аристократ, гвардеец, был женат на разведенной плебейке.

Домонтовичи с гордостью выращивали свое родословное древо от древнего корня: от знаменитого князя Довмонта, водившего в XIII столетии псковские рати на ливонских рыцарей и чтимого Православной церковью под именем святого благоверного князя Тимофея. Конечно, происхождение от Довмонта — скорее всего легенда. Домонтовичи — представители той русско-литовской шляхты, которая еще в начале XVI века перешла на службу Московскому государю и тем самым обеспечила ему преимущество в борьбе за объединение Руси. За это предки нашей героини получили поместья в черниговском пограничье и потом три века служили русскому царю без особых карьерных успехов. Только в конце XIX столетия род Домонтовичей пошел в гору: два его представителя — Шурочкин отец и двоюродный дядя — достигли высших ступеней российской служебной лестницы.

Михаил Алексеевич Домонтович, черниговский помещик и офицер, родился в 1830 году. Так что Шурочка была поздним, следовательно, балованным ребенком. Окончив Петровско-Полтавский кадетский корпус, Домонтович служил поначалу в лейб-гвардии Гренадерском полку, потом в Генеральном штабе, потом на Кавказе. По возвращении с Кавказа получил полковничьи погоны и должность инспектора Николаевского кавалерийского училища. Взлету его карьеры способствовала русско-турецкая война 1877—1878 годов. Ее называли войной за освобождение славян, но в неменьшей степени она была для русской знати войной за обретение чинов и наград. Генерал-майор Домонтович получает высокие назначения: сначала тырновский губернатор, потом управляющий делами Российской комиссии в Болгарии. После гибели Александра II новая метла — Александр III — вымела было Домонтовича с реальной службы в сверхштатные члены Военно-учебного комитета. Но царь сменил гнев на милость: Михаил Алексеевич был произведен в генерал-лейтенанты, а затем назначен членом Военного совета. За два

года до смерти по милости Николая II он удостоивается производства в генералы от инфантерии. Это высший реально достижимый чин царской армии (выше — фельдмаршал, но этот чин при последнем царе не присваивался). Умер Михаил Алексеевич в 1902 году.

Другой Домонтович, Константин Иванович, двоюродный брат Михаила Алексеевича, тоже совершил карьерный взлет в благословенные времена Александра II, но не по военной, а по гражданской части, дослужившись до сенатора. Это ступень, равная второму классу Табели о рангах, как и генерал от инфантерии. Бывая постоянно в семье Михаила Алексеевича (собственно, семья эта жила в доме, принадлежавшем кузену-сенатору), почтенный Константин Иванович подпал под обаяние молодости: влюбился в падчерицу своего двоюродного брата и в конце концов сделал ей предложение. Предложение было принято. Так единокровная сестра Шурочки Домонтович двадцатилетняя Аделаида Мравинская стала сенаторшей Домонтович. Жених был старше невесты на сорок лет.

Образованный читатель, конечно же, обратил внимание: Мравинская, знакомая фамилия. Первым мужем матери нашей Шуры был военный инженер Константин Мравинский. От этого брака родился сын Александр и две дочери — Аделаида и Евгения. Все они воспитывались в семье Михаила Домонтовича. Сын Александра и племянник нашей героини, Евгений Мравинский, станет впоследствии знаменитым музыкантом, великим дирижером, царем и богом оркестра Ленинградской филармонии.

Надо сказать, что семейство Домонтович было связано со многими известными родами и людьми. К примеру, Георгий Домонтович, брат сенатора, был женат на Наталье Степановне, урожденной Шеншиной, дальней родственнице маститого стихотворца Афанасия Фета и мальчишки Игоря Лотарева — в будущем знаменитого поэта Игоря Северянина. Если о знакомстве Домонтовичей-Мравинских с Фетом сведений нет, то Северянин в стихах будет смаковать детские впечатления об этом семействе:

Мне было пять, когда в гостиной
С Аделаидой Константиной,
Которой было тридцать пять,
Я, встретясь в первый раз, влюбился...

И далее:

Наш дом знакомых полон стай:
И математик Верещагин,
И Мравина, и Коллонтай.

Мравина — вторая единоутробная сестра Шурочки — Женя Мравинская, обладательница прекрасного сопрано и несомненного актерского таланта. Выбор жизненного пути, сделанный ею, был еще более скандален для своего времени и круга, чем выбор сестры Аделаиды. Евгения выбрала сцену, сделалась знаменитой оперной певицей, примадонной Мариинского театра. Мравина — ее сценический псевдоним.

Мать нашей Шуры происходила из совершенно иного круга, откуда ход в великосветские гостиные был заказан. Александра Александровна Домонтович-Мравинская, урожденная Масалина, была дочерью финского крестьянина. Ее отец когда-то чуть ли не босиком пришел на заработки в Питер, выбился в люди, сделался преуспевающим лесопромышленником. Черта прогресса: брак лейб-гвардейца с дочерью «убогого чухонца», даже разбогатевшего, был немыслим в предшествующих поколениях. Согласно семейному преданию, молодой Домонтович обратил внимание на юную красавицу Масалину в театре, где семья лесоторговца абонировала ложу. Но о сватовстве не могло быть и речи. Много лет спустя, уже будучи дворянкой Мравинской, Александра встретила своего Михаила на светском приеме — и в их сердцах, выражаясь языком тогдашних романов, вспыхнуло пламя взаимной страсти. Кончилось дело расторжением первого брака и новым замужеством. История по тем временам трудная, скандальная — незаурядная.

Любопытно вот что. На склоне лет своих Александра Коллонтай написала кое-какие воспоминания. Этим мемуарам свойственна та же особенность, что и ее беллетристической прозе: схематичность в описании людей, отсутствие живых подробностей, деталей. Читая их, совершенно невозможно представить себе отца, генерала Домонтовича, — какого роста он был, во что одевался, носил ли усы и бороду или гладко брился, какую музыку слушал и что предпочитал на завтрак. Так же неуловимы лики сестер Адели и Жени, брата Александра, тетушек, родственников и знакомых. Единственный персонаж, чей образ ощутимо проступает сквозь бесстрастное повествование о детстве и юнос-

ти, — образ матери. Видимо, в ее характере и судьбе было нечто слишком близкое, свое, чтобы превратить образ в схему. Умение идти против мнений и обстоятельств? Приглушенное, но непоколебимое бунтарство? Александра Александровна добила-сь-таки победы в своей семейной жизни, а это, пожалуй, было в тогдашнем обществе не легче, чем ее дочери добиться победы в революционной борьбе...

Шурочкин характер складывался под смутный рокот назревающих социальных землетрясений. Их первый признак — появление трещин в фундаменте традиционных социально-патриархальных семейных отношений.

* * *

Об Александре Михайловне Коллонтай написано и сказано очень много. Но понять из этих рассказов, каким человеком, какой женщиной она была, — как-то не получается. Всюду одни глаголы: «создала», «выступила», «написала», — и никаких прилагательных. Та же, кстати говоря, ситуация, что и в ее беллетристической прозе: персонажи все время что-то делают, а черт и выражений их лиц не разобрать. Самые простые вопросы — добрая она была или злая, нежная или жестокая, веселая или меланхоличная — остаются без ответа. Личные дневники и письма мало помогают почувствовать ее образ. Тексты деловые, прагматичные, тоже насыщенные глаголами. Маска деятельности, эмансипированной женщины, у которой нет ни слабостей, ни личной жизни. Исключение — письма к сыну и к ближайшим друзьям. Тут, наоборот, избыток уменьшительно-ласкательных суффиксов. Сыну Михаилу, уже взрослому: «Хохленьш», «Хохлинька», «Мимулেক», «целую мордочку моего Хохлиньки». Подпись: «твоя Муру». Ближайшей подруге-конфидентке Татьяне Щепкиной-Куперник: «Танюсик», «сестричка дорогая», «целую глазки». Тон этот совершенно не меняется с годами: пятидесятилетняя Коллонтай, член ЦК РКП(б), полпред СССР в Норвегии, изъясняется точно так же, как восемнадцатилетняя барышня. Опять ощущение, что видишь не лицо, а маску.

Трудно понять, какой она была в детстве, в юности. Ее детство и юность предельно благополучны. Любящий отец, умная мать. Обеспеченность, достаток. Блестящий круг общения. Во всем этом — запрограммированность прекрасного будущего и очень мало разнообразия. От ее воспомин-